

ПАСКАЛЬ РЮТЕР

СЕРДЦЕ НА БРАЙЛЕ

Перевод с французского

Марии Пшеничниковой

Посвящается Дельфине

Не успел прозвенеть будильник, как послышались папины шаги на лестнице. Он широко распахнул дверь в мою комнату.

— Подъем, сегодня важный день!

Затем растормошил меня в кровати.

— Поспеши, а то опоздаешь!

И спустился обратно — из него прямо ключом била энергия. За каникулы я отвык подниматься рано и никак не мог очухаться ото сна, перед глазами всё плыло, как в тумане. Снизу доносился грохот — папа готовил завтрак. Однако это ничуть не мешало моей дреме: я готов уже был вот-вот отключиться, как отец неожиданно завопил:

— Сам поднимаешься или подъемный кран тебе вызывать?

Я вздрогнул и рискнул высунуть ногу из-под одеяла — нерешительно, словно собираясь нырнуть в холодную воду. Потом нащупал рядом какие-то штаны и футболку. «Не до нарядов», — пронеслось в голове. Когда я спускался по лестнице, казалось, что вешу тонну.

Папа приготовил горячий шоколад. Меня окутал приятный, уютный аромат, и туман в голове немного рассеялся.

— Ты готов? — поинтересовался папа, пока я пил.

Он поднял бровь. Его правая рука, казалось, изда- лека массировала мне мозг. Я попытался сделать вид, что контролирую ситуацию.

— Наверное, да, но... Никогда не знаешь наверня- ка, так?

Папа с грохотом убрал посуду и, прежде чем отпра- виться снова лечь спать, сказал:

— Не забудь стереть шоколадные усы. Важно сле- дить за собой!

Я пожал плечами и отправился в гостиную. Солнце едва взошло, залив светом маленький дворик. Не- сколько листьев уже упали на землю и напоминали сухих бабочек. Я пошел в свою комнату за рюкзаком. За каникулы он будто усох и сморщился. И я понял, что бояться его не стоит. Тем более не нужно пугаться его содержимого. Я покопался внутри, нашел список школьных принадлежностей и прикусил губу, спохва- тившись, что должен был отдать его папе. Но, с дру- гой стороны, он и сам мог бы вспомнить. Именно так поступают в настоящей команде.

Я уже собирался ввалиться в его комнату и преду- предить, но потом решил: ладно... Вывалив всё из рюкзака, чтобы провести ревизию, я обнаружил

огрызки карандашей и один из странных рисунков уважаемого Хайсама: яблоня, вокруг которой лежали красные яблоки. Теряясь в догадках, я повесил рисунок на стену. Что он хотел этим сказать? Честно признаться, я ничего не понимаю ни в том, что он рисует, ни в том, что говорит. А если прошу объяснить, становится еще непонятнее.

Кроме того, в рюкзаке лежала последняя контрольная с 3 баллами из 20¹ и замечанием «Старайся», фотография женщины в купальнике, вырезанная из какого-то журнала. В тоненьком таком купальнике. Да и женщина тоже... тоненькая. Я перевернул рюкзак и вытряхнул всё остальное. Уже само ощущение новизны сулит надежду.

Теперь рюкзак показался мне очень легким. Конечно, без всех этих ручек-карандашей в нем нет никакого смысла. Поэтому я захватил парочку прошлогодних тетрадок, которые завалились на дне ящика письменного стола.

Мои школьные дела шли не так уж и хорошо, хотя я пообещал себе улучшить ситуацию. Мне пришлось заново отрегулировать лямки рюкзака: я ослабил их, чтобы не жали в плечах. «Вырос», — подумал

¹ В школах Франции принята двадцатибалльная система оценок. (Здесь и далее примеч. ред.)

я и подошел к большому зеркалу. Точно: разросся вширь, и рюкзак за плечами уже не выглядел таким внушительным.

Конечно, я обрадовался, поскольку телосложение — вещь в жизни важная.

Прежде чем выйти из дома, я не очень убедительно бросил: «До скорого!» — но папа не ответил. В этом нет его вины. Вчера отец, должно быть, вернулся из города довольно поздно. Как обычно, он старался не шуметь, чтобы не разбудить меня, и сейчас ему надо выспаться.

Снаружи было тепло, но пасмурно. Папа припарковал «панар» во дворе на брусчатке. Отец просто одержим этой машиной: накануне он провозился с ней весь день, пытаясь отремонтировать коромысло клапана двигателя, но вместо этого получил кучу проблем со смазочными трубками. Я посоветовал ему снизить подачу масла, и это сработало. Уже вечером, когда папа отправился развозить посылки, я услышал, лежа в постели, что мотор M10S рычал как надо. Ну правда, самая лучшая колыбельная в мире.

Когда я добрался до коллежа¹, там повсюду толпилась целая куча народа.

¹ Школьное образование во Франции отличается от привычного нам российского. Образование состоит из нескольких ступеней. Начальное образование — 3–4 года в детском саду и 5 лет в начальной школе. Среднее образование (а именно о нем и пойдет

Пройдя мимо комнаты консьержа, где я не обнаружил ни Хайсама, ни его отца, я отправился во двор к остальным ученикам, ждавшим директрису.

Двор был полон, а за оградой столпились родители, которым не терпелось посмотреть, как пройдет первый учебный день. Они протискивали головы между прутьями решетки, как заключенные, вдыхающие аромат свободы, — мне показалось это забавным. Директриса начала вызывать учеников по одному. Мы все построились каждый перед своим классным руководителем. Как только класс набирался полностью, его уводили в здание коллежа. Словно вагон за вагоном уходящего поезда, исчезали ряды учеников, а двор постепенно пустел. Стало интересно, куда же запропастился уважаемый Хайсам, но тут кто-то положил руку мне на плечо. Даже не пришлось оборачиваться — я уже знал, что это он.

речь в книге) — 4 года в коллеже и 3 года в лицее. Повествование в книге начинается с первого учебного дня главного героя в четвертом классе коллежа. Обучение в коллеже продолжается с шестого по третий класс. Обратите внимание, что первый год обучения во французском коллеже (и не путайте его с американским колледжем!) называется шестым классом (соответствует шестому классу российской средней школы). За шестым классом коллежа следуют пятый, четвертый (в котором и учатся наши герои) и третий. В конце третьего класса ученики имеют возможность записаться в общий или технологический лицей.

— Уважаемый египтянин, — прошептал я, — надеюсь, мы с тобой в одном классе.

— Всё уже решено.

Наконец я обернулся — не терпелось на него посмотреть. Мне показалось, что он еще больше потолстел за каникулы. Свой огромный живот Хайсам носил в клетчатой рубашке, которая давным-давно вышла из моды, и велюровых брюках, настолько коротких, что из-под них выглядывали носки разного цвета. За бесшумными очками в черепаховой оправе улыбались два маленьких глаза. Выглядел он уверенно и спокойно, как человек, познавший смысл жизни. Никогда не понимал, как можно столь невозмутимо игнорировать моду, ну да ладно, это его личное дело. И тут я получил от египтянина резкий удар локтем под ребро.

— Виктор! Отсутствует? Уже отсутствует? — вопила директриса в громкоговоритель.

Не лучший момент для дезертирства: не стоит привлекать к себе внимание с самого начала учебного года, я бы предпочел слегка подождать.

— Нет! Нет! Я здесь... — крикнул я, размахивая руками. — Иду, вот, смотрите, я на месте!

Вскоре ко мне подошел Хайсам. «Всё решено», — сказал он, и действительно всё уже было решено. Больше никого в классе я не знал и, следуя по коридорам за классным руководителем, думал: «Тем лучше, никто меня не знает».

Мы расселись по местам, учитель попросил заполнить анкеты. В этом году нас почему-то пожелали *анкетировать* — я так и не понял почему, ну да ладно... Хотелось бы узнать побольше о преподавателях, но я не осмелился и заикнуться об этом. Да предложи я такой учебный проект, к нему точно отнесутся с подозрением. Хотя было бы любопытно узнать, где живут наши учителя, про их семьи и тому подобное. Гораздо интереснее, чем вот это всё.

Хайсам по привычке занял последнюю парту. Я надеялся, что его повадки изменились, однако нет, он по-прежнему желал сидеть за задней партой один. Мой друг часто говорил, что это для него очень важно. Во время уроков Хайсам впадал в состояние глубокой сосредоточенности, которое со стороны напоминало сон. Я-то знаю, что это типа такое сгущение концентрации, представьте себе сироп, — однако учителя каждый год попадались в эту ловушку, думая, что он дрыхнет. Египтянин сидел, опустив подбородок на грудь, скрестив руки на животе и даже прикрыв веки. Уважаемый Хайсам рассказывал, что в такие моменты становится «нильским крокодилом»: всем кажется, будто он спит, однако на самом деле парень впитывает информацию как губка и реагирует на каждое слово, каждую интонацию учителя. Точь-в-точь притаившийся аллигатор. Тот тоже вроде бы дремлет, но стоит приблизиться — попадешь в пасть.

В прошлом году учитель математики написал на доске мудреный пример с кучей корней и всякими формулами, ну прямо как в научной фантастике. Пока он туда-сюда расхаживал от одного конца доски к другому, мой уважаемый египтянин мирно сидел вот так по-своему и, казалось бы, лениво дремал, ничего не записывая и свесив на грудь голову. Вдруг он приоткрыл одно веко и, почтительно приподняв руку, произнес:

— При всём моем уважении, месье, я думаю, мы можем сделать гораздо проще.

Хайсам медленно подошел к доске, взял мел — и тут все поняли, что происходит чудо. Где-то в уголке доски он поставил всего одну-единственную маленькую черточку, а у учителя глаза на лоб полезли, будто перед ним распахнули дверь в бесконечность.

— Вы совершенно правы, — произнес он унылым и одновременно восхищенным голосом.

А затем взял отпуск по болезни: наверняка ему было о чём поразмыслить.

Заполняя анкету, я слегка застопорился на графе «профессия отца». В итоге написал «покупатель», решив, что лучше и не скажешь. Он, заметьте, и продажами тоже занимается, но я подумал: «покупатель» звучит гораздо загадочнее и даже как-то благородно. Вдруг я забеспокоился: поставил ли папа тепловой

зазор клапанов на 0,15 в топливной и выхлопной системе «панара»? Иначе коромысло клапана долго не протянет. Задумавшись об этом, я послушал то, что говорил учитель.

К полудню мы с Хайсамом снова встретились во дворе. Из-за своих очков с толстыми стеклами он был похож на огромную сову. Медленным шагом мы направились в каморку его отца, консьержа коллежа. Хайсам — уважаемый Хайсам, как я к нему иногда обращаюсь, — ходил всегда очень неспешно. А зову я его так, потому что при знакомстве он всегда выдавал одну и ту же фразу, словно проигрывая заезженную пластинку: «Хайсам — это египетское имя, которое заслуживает уважения».

Его отец ожидал нас перед шахматной доской. Рядом возвышалась пирамида из прозрачного лукума. Мой друг — философ. Однажды Хайсам сказал, что египетские пирамиды — это вроде как доказательство того, что люди безнадежны и по самой природе своей склонны разочаровываться и прикладываться всё меньше и меньше усилий. В тот раз я вообще ничего не понял, поэтому вечером спросил папу, однако он чуть не задохнулся от смеха и посоветовал быть осторожнее с Хайсамом, поскольку мой приятель

смахивает на пессимиста. Я заглянул в словарь, который папа подарил мне в надежде пробудить интерес к учебе, и выяснил, что пессимизм — это «убежденность, что всё плохо».

Короче, сегодня я, как обычно, наблюдал за их игрой в шахматы, пока школа пустела, а мой желудок набивался лукумом. Хайсам переставлял фигуры медленно и церемонно, словно какой-нибудь важный маг. На тонких губах его отца играла вечная легкая улыбка. Они почти не разговаривали друг с другом. После каждого хода мой дорогой египтянин брал кусочек лукума и медленно пережевывал, ожидая реакции отца. Сахарная пудра парила какое-то время над шахматной доской и падала на клетчатую рубашку уважаемого Хайсама. Казалось, под защитой маленького сахарного облачка существует особый мирок — тихий и спокойный.

Мне нравилось уходить из коллежа последним. Да и приходиться последним, если честно, тоже. Только вот Счастливчик Люк¹ в этом ничего не смыслил. Кстати, именно Хайсам первым заметил, что наш завуч похож на Счастливчика Люка. Этаким бретонский

¹ Счастливчик Люк (англ. Lucky Luke) — персонаж комиксов, мультфильмов, художественных фильмов и сериалов. Впервые этот герой появляется в серии комиксов, опубликованных в 1947 году. Он бесстрашный ковбой на Диком Западе, который «стреляет быстрее своей тени».

Счастличик Люк. Иногда кто-нибудь заглядывал в комнату отца Хайсама с вопросом, и тот отвечал широким взмахом руки. Множество тайн окружало моего дорогого друга. Почему Хайсам такой толстый, а его отец худой? Почему ему дали египетское имя, если его отец — турок? А еще почему уважаемый египтянин соблюдал шаббат, хотя это совсем не египетский и даже не турецкий обычай? Мой приятель Хайсам был очень загадочной натурой. Иногда я искал ответы в словаре, который подарил отец, но и это не всегда помогало. Тогда я просто смотрел, как они играют в шахматы, и обедался лукумом.

Лукум: «удовольствие для горла». Восточная сладость, изготовленная из ароматной пасты и покрытая сахарной пудрой.

— Ну, как всё прошло? — спросил отец, высунув перепачканную в машинном масле голову из мотора «панара». — Еще не успел отличиться?

Я вздохнул.

— Пока нет...

Он недоверчиво нахмурил брови. В конце прошлого года папа пообещал администрации коллежа, Счастличику Люку в особенности, что будет за мной следить. Чтобы подбодрить меня, он купил «Трех

мушкетеров» Александра Дюма и словарь, о котором я уже говорил. Я спросил:

— Ты поставил тепловой зазор клапанов на 0,15 в топливной и выхлопной системе? Иначе коромысло клапана сдохнет.

Отец пожал плечами, вытирая инструменты.

— А как думаешь, пап, сколько времени Дюма писал «Трех мушкетеров»?

— Не знаю...

— Может, целый год?

— Может... но мне кажется, дольше.

— Думаешь, целых три? По году на мушкетера.

— Возможно.

— Пап, еще кое-что...

Он опустил на переднее сиденье «панара».

— Погоди, я сяду, мало ли какая новость...

— Я хотел спросить... Ты сам хорошо учился в коллеже?

Отец выглядел уверенно и страшно важно. Он улыбался и смотрел в пустоту. Казалось, папа копается в воспоминаниях, задумчиво почесывая правой рукой подбородок, будто пытаясь выбить из него искры прошлого.

— Да, просто блестяще.

— По каким предметам?

— По всем.

На его лице, которое расплывалось в мутноватом ветровом стекле, застыла забавная улыбка, гордая и в то же время грустная.

У меня всё-таки остались сомнения. Ведь есть такая ерунда, как отцовский долг, обязанность служить мне примером... Я вошел в дом, решив, что о «Трех мушкетерах» и Александре Дюма лучше расспрошу уважаемого Хайсама. Я выпил стакан воды и поднялся к себе в комнату под самой крышей. Потом вытряхнул рюкзак и расставил новые учебники на специально привинченной для них полочке. На стену я прикрепил расписание уроков, потому что в пятом классе¹ у меня в голове начали путаться предметы, часы, дни, и я постоянно всё забывал. Наконец я подписал тетради, указав на первой странице предмет и имя преподавателя, и обернул их в обложки. Потратил уйму времени, но вышло вполне прилично, и я даже подумал, что начинаю делать успехи. Успехи в подходе к учебе. Это суперважно. Ведь с правильным подходом и за всем остальным дело не станет.

Я спустился в гостиную и спросил папу, может ли он приготовить рис по-египетски по рецепту, который дал Хайсам. За ужином отец обратился ко мне так серьезно, что я даже испугался:

¹ То есть в прошлом учебном году. Пятый класс французского коллежа соответствует седьмому классу российской средней школы.

— Ну, мой мальчик, в этом году тебе нравятся преподаватели?

Ему явно очень хотелось сдержать обещание, данное Счастливику Люку. Папа жаждал лично проконтролировать, что в этом году я буду вести себя как следует. Я кивнул для пущей убедительности.

— Видишь ли, мой мальчик, учебный год только начинается. И главное — начать его хорошо. Не слишком быстро, но всё равно живенько. Конечно, надо действовать осторожно... чтобы не выдохнуться на старте.

Он положил руку мне на плечо.

— Жизнь, старик, — это горный этап «Тур де Франс», а не спринт на велотреке. Запомни.

Где отец нахватался этих истин? Вот и он туда же — заговорил загадками.

— Знаешь, пап, я не люблю горы, они скользкие, а от велосипеда болит задница. Так что не обижайся, но, если хочешь меня подбодрить и научить жизни, придумай что-нибудь другое.

Мы убрали со стола и уселись друг напротив друга в старые глубокие кресла. Я начал первый, потому что вчера проиграл:

— Когда Панар и Левассор¹ запатентовали крепление двигателя на раме автомобиля в трех точках?

¹ Основатели знаменитой автомобильной компании «Панар-Левассор». В 1886 году Рене Панар и Эмиль Левассор основали компанию «Панар-Левассор». Она стала одной из первых в мире, выпускающих автомобили на продажу.

Он поразмышлял несколько секунд и пожал плечами.

— Легко: 14 января 1901-го. Моя очередь: первое использование радиатора в «панаре», год?

Я закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Первый радиатор... первый радиатор...

— Есть: 1897 год. И даже скажу, что это было на гонке Париж — Дьепп.

Отец восхищенно присвистнул и встал с кресла: его ждала работа.

— Удивительно, что ты наизусть выучил справочник Кребса, а...

Я догадывался, к чему всё это: он прав, однако можно было и не трогать эту тему.

— Я понял, папа, хватит, потому что потому, короче.

— Помнишь, раньше ты думал, что Нельсон Мандела¹ — нападающий «Осера»?²

— Не издевайся.

Мы рассмеялись, поддавшись нахлынувшим воспоминаниям, которые плавали и сталкивались друг с другом, как мыльные пузыри в воздухе.

— Вот увидишь, завтра я тебе такой вопрос придумаю — так просто не отвертишься, — сказал он, размахивая томиком Кребса, — ни за что не отгадаешь.

¹ Нельсон Мандела (1918–2013) — южноафриканский государственный и политический деятель. Его борьба с режимом апартеида в ЮАР во время действия романа была известна всему миру.

² Французский футбольный клуб из одноименного города.

— Я тоже. И ты тоже не отгадаешь.

В комнате я взглянул на приклеенное к стене расписание и даже немного расстроился. Завтра первый урок в 8:30. Я вспомнил, что отец сказал про новый учебный год: «Главное — начать его хорошо. Не слишком быстро, но всё равно живенько». На прикроватной тумбе лежал роман Александра Дюма. Естественно, читать я его буду дольше, чем он писал. Я же дошел только до четвертой страницы. Конечно, я бы предпочел полистать справочник Кребса — что-то вроде библии «панара», — уж очень мне хотелось оставить папу с носом.

$$x - 2(4x + 1) = 4(2 - x) + 2$$

Вот она, моя первая проблема в этом учебном году. Не единственная, но первая. Я покопался в голове: что там осталось с прошлого года? Пустота. Я повернулся к Хайсаму, который уже отложил ручку, и подумал: может, хотя бы на этот раз он не знает решения? Однако по одному загадочному прищуру было ясно, что уважаемый египтянин уже закончил вычисления. Я бросил в его сторону взгляд, полный безысходности, но в ответ Хайсам лишь слегка приподнял свою лапу над партой. Обычно он делал так в знак ободрения: не беспокойся, всё утрясется, пусть и не лучшим образом, но утрясется. Впрочем, я в любом случае волновался за свои пробелы в знаниях.

Я тайком взглянул на учительницу математики. Она перемещалась с забавным постукиванием, поскольку прихрамывала, а иногда даже ходила на двух костылях, напоминавших спицы, которыми она, казалось, вывязывала урок. Всезнайка Хайсам как-то сказал мне, что преподаватель математики очень несчастна, потому что давным-давно потеряла ребенка. Я же

подумал, что именно поэтому учительница теперь заставляет нас решать уравнения. Однажды я спросил Хайсама: «А может, она до сих пор так и носит своего мертвого ребенка в правой ноге?» Он как-то странно посмотрел на меня, широко раскрыв рот (это было у него признаком глубоких раздумий), а потом положил руку мне на плечо.

— Возможно, для тебя еще не всё потеряно, старина.

Кажется, он глубоко впечатлился моим наблюдением, даже восхитился и именно с этого момента начал воспринимать меня чуть более серьезно. Я же подумал, что это просто офигенно — так приподняться в его глазах.

Я делал вид, что пишу, чтобы никто ничего не заподозрил. К счастью, прозвенел звонок.

В конце дня Хайсам старательно укладывал вещи в свой шкафчик. Я болтался в стороне, но, поскольку мой друг не спешил, пришлось идти в комнату его отца одному. В тот день наш консьерж водрузил на голову потрясающую красную феску, придававшую ему вид древнего владыки. Маленькая золотистая кисточка, которая свисала с фески на бархатной ленте, буквально гипнотизировала меня.

Воспользовавшись отсутствием моего уважаемого египтянина, я попытался раскрыть некоторые интересные меня тайны.

— Месье, — спросил я, — можете мне объяснить, почему вы назвали Хайсама египетским именем, хотя вы турок? А еще любопытно, почему вы справляете шаббат в пятницу вечером?

— А когда его нужно справлять, по-твоему? В среду утром? Или же в понедельник днем?

Он улыбнулся, и я понял, что отец Хайсама шутит.

— Я хочу сказать, что это не совсем турецкий обычай — справлять шаббат, да и не египетский тоже.

Он успокаивающе приподнял руку, очень напомнив мне этим жестом Хайсама.

— Как знать! Как знать!..

Наконец появился Хайсам. Я попросил его объяснить урок математики, ну потому что, блин... эти уравнения!.. Мы уселись в глубине комнатки, чтобы нам никто не мешал.

— Что именно тебе непонятно? — спросил он.

Выглядел Хайсам очень спокойно.

— Короче, хочу знать, как быть с этой заразой иксом. $x - 2(4x + 1) = 4(2 - x) + 2$. Не люблю критиковать науку, но это уже ни в какие рамки!

— Здесь нет ничего сложного. Попробуй упростить.

Он закинул в рот огромный кусок лукама и принялся старательно жевать, странно на меня посматривая. Я спросил:

— Упростить что?

— Уравнение, что же еще. Что еще ты собрался упрощать?

— Я не понимаю.

— Смотри. Надо раскрыть скобки, получится:
 $x - 8x - 2 = 8 - 4x + 2$. Согласен?

Я пожал плечами.

— А дальше что? Это же еще не конец?

— Нет, балбес. Дальше надо перебросить все иксы влево, а остальное — вправо.

— Хорошо. Тогда получится... $x - 8x + 4x = 8 + 2 + 2$.

— Ну вот. А теперь что делаем?

— Не знаю. Ну, пойдем в футбол поиграем?

Он чуть не подавился лукумом: казалось, будто сахарная пудра заполнила его глаза изнутри и они превратились в два маленьких снежка.

— Да нет же, тупица, ты еще не решил уравнение. Тебе нужно найти значение икс!

У меня слезы навернулись. Я вспомнил о папе, который подарил мне «Трех мушкетеров», который был лучшим в классе, которого отчитал по полной Счастливчик Люк и который делал всё, чтобы за мной присматривать... А я... меня нокаутировал первый же икс в учебном году.

— Итак, — продолжил Хайсам, успокоившись, — надо упростить. Упрощай.

— Ладно, упрощаю, упрощаю, куда уж проще... Вот, получилось: $-3x = 12$.

- Теперь надо поделить на -3 !
- Само собой... Ой! Но мне кажется, как-то не очень:
 $x = 12 : (-3)$... Наверняка я где-то просчитался...
- Нет, всё правильно, получается $x = -4$. Так тебе больше нравится?
- Честное слово, не понимаю, зачем всё это вообще нужно, но мне нравится. Хотя я и не уверен, что смогу провернуть то же самое в одиночку. Гарантировать не могу.
- Интересно, что ты будешь делать, когда появится несколько неизвестных, — произнес он, глотая еще один сладкий кубик.
- А что, так бывает?
- В математике всякое бывает...
- Как ты всему этому научился?
- Да никак. В этом нет моей заслуги: египтяне всегда были великими математиками.
- А турки, которые соблюдают шаббат?
- И турки тоже. Даже те, которые соблюдают шаббат.

На следующей неделе дела пошли только хуже, и я заметил, что обстоятельствам вообще свойственно усложняться. Всё началось с учителя географии, который взбесился, раздавая нам проверенные контрольные. На вопрос о климате в Ницце